
ЕЛЕНА
ГРАСС
ПОКА
СЕРДЦЕ
БЬЁТСЯ...

Елена Грасс

Пока сердце бьётся...

«Автор»
2026

Грасс Е.

Пока сердце бьётся... / Е. Грасс — «Автор», 2026

— Почему она не отвечала на мои звонки?Вопрос остаётся без ответа. Мама отворачивается к раковине, отец делает вид, что не слышал.— Я жду! — голос звучит глухо.Отец, наконец, поднимает на меня глаза. Замечаю в них жалость и растерянность.Меня передёргивает. Я ненавижу подобный взгляд.За последние месяцы я видел его слишком часто: у врачей, медсестёр, сослуживцев.— Ну что тебе сказать, сынок — отец запинается. — Она— Она, как только узнала, что ты погиб, прибежала сюда и стала требовать деньги! — выпаливает мама.Я медленно поворачиваюсь к ней.— Что? Какие деньги? — спрашиваю едва слышно.— Обычные! Бумажные! — её голос срывается. — Сказала: раз жила с тобой, значит, ей положено! Бесстыжая гадина!— Маруся — отец устало прикрывает глаза. — Хватит. Не надо.— Нет, надо! — мама зло бросает полотенце на стол. — Или ты защищать эту дрянь перед сыном будешь и утаишь, что у неё уже другой мужик?

© Грасс Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 12
Глава 4 14
Глава 5 17
Глава 6 20
Глава 7 23
Глава 8 26
Глава 9 28
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Елена Грасс
Пока сердце бьётся...

Глава 1

Просыпаюсь от поцелуя в шею. Первый — лёгкий, почти случайный. Второй уже не оставляет шансов притвориться спящей.

Не открывая глаз, улыбаюсь и поворачиваюсь к Артёму. Нахожу его губы, цепляюсь пальцами за ворот футболки и не даю сразу отстраниться.

Он тихо смеётся.

— Вот так бы каждое утро, — бормочу я, когда он снова целует меня в шею. Потягиваюсь и устраиваюсь ближе. — Лучший будильник в мире.

— Особенно когда его не пытаются выключить.

— Тебя выключишь…

— Доброе утро, солнышко.

— Угу. Доброе, — отвечаю ещё сонным голосом. — Который час?

— Тебе уже пора паниковать. Ты будильник вообще ставила?

Приоткрываю глаз. Артём склонился надо мной — причёсанный, одетый, подозрительно бодрый. От него пахнет кофе.

Несправедливо. У меня наверняка волосы торчат во все стороны, а на щеке отпечаталась половина наволочки.

— Мне ко второй паре, — укутываюсь сильнее в одеяло, не желая вставать.

Он замирает надо мной.

— Ты не говорила об этом. Я думал, тебе к восьми. Ну… значит… — чувствую, как матрас начинает прогибаться под его тяжестью.

Он ложится рядом, берёт моё лицо в руки и смотрит на меня.

— Артём, не надо... Прекрати, — пытаюсь отвернуться.

Я не люблю, когда он видит меня такой: заспанной, взлохмаченной, неумытой.

Под глазами наверняка залегли тени после вчерашней подготовки к семинару, а на щеке остался след от подушки.

Рядом с безупречным Артёмом особенно остро ощущаю все свои недостатки.

— Не смотри на меня! — смеюсь я и переворачиваюсь на живот, пряча лицо в подушке.

— Почему? Ты самая красивая, и я не могу на тебя налюбоваться, — его ладонь осторожно касается моих волос, стараясь убрать пряди с лица. — Светка, ну когда ты пойдёшь, что я люблю тебя любую?

— Врёшь.

— Даже не думаю. Ты когда планируешь вылезать из постели?

— Не хочу… — капризничаю. — Но примерно через час придётся.

Он смотрит на часы.

— Ладно, — произносит загадочно и встаёт с кровати. Идёт в коридор и тут же возвращается с какой-то коробочкой. — Я хотел вручить тебе это за завтраком, но раз ты никуда не торопишься… Это тебе.

Я несколько секунд смотрю на вещь и, понимая, что это замираю.

— Это...

— Да.

— Зачем…

Артём хмурится. Вероятно, он ожидал другой реакции.

— А ты сама как думаешь? Чтобы у тебя была хорошая вещь.

— Артём… Не надо было.

— Надо, Светка. Я давно заметил, как ты пользуешься старым телефоном с треснувшим экраном. Его давно пора поменять. Раз ты сама не просишь, решил проявить инициативу и подарить его тебе.

Он настаивает на том, чтобы я взяла коробку, но я не решаюсь её взять.

Сонливость исчезает без следа, а вот неуверенность в том, что идея у Артёма отличная — напротив, разрастается в сердце.

Сажусь, придерживая у груди одеяло, и растерянно перевожу взгляд с подарка на Артёма и обратно.

— Но у нас ведь столько расходов…

— И что? Возьми.

Я осторожно принимаю коробку. Она неожиданно тяжёлая, гладкая и прохладная.

Провожу пальцем по названию модели и чувствую, как сердце начинает колотиться быстрее.

Я видела такие смартфоны в витрине. Знаю, сколько они стоят, и от одного воспоминания о ценнике мне становится не по себе. Ничего подобного я не то, что не держала в своих руках, я даже мечтать о подобной вещи не смела!

— Это очень дорогой телефон.

— Главное он хороший, — поправляет Артём.

— Мы можем вернуть его в магазин, — разглядываю его как диковинку.

Улыбка на его лице любимого меркнет. Только сейчас понимаю, что моего мужчину оскорбило такое предложение.

— Почему ты решила, что мы должны его возвращать?

— Потому что я не могу принять такой подарок. Ты недавно заплатил за ремонт машины, ещё за квартиру нужно платить, продукты… А впереди зима. Вдруг понадобятся деньги!

— Света, прекрати. Вопрос денег я решу. Посмотри на меня.

Я послушно поднимаю глаза.

— Я обещаю тебе, что не залез в долги и не потратил последние деньги.

— Честно? — почему-то шёпотом спрашиваю его.

— Конечно. Когда я тебе врал? — улыбается. — Я захотел подарить тебе телефон и сделал это. И можем закрыть уже тему. Светка, я другой реакции ждал.

— А! Прости! Спасибо! — смеюсь.

Стараюсь убедить его, что я расслабилась, но напряжение не отступает. Мне по-прежнему кажется, что я не заслуживаю таких дорогих вещей.

— Забыл! — Артём забирает из моих рук коробку, снимает прозрачную плёнку и снова возвращает её мне. — Всё, теперь точно обратно не примут. Включай!

Беру в руки смартфон и не шевелюсь.

— Нравится? — спрашивает Артём, наблюдая за мной.

— Очень, — признаюсь я. — Поэтому мне ещё страшнее его брать.

— Не бойся. Это просто вещь.

Я не хочу с ним спорить. Он старался ради меня, и портить ему настроение совершенно точно будет неблагодарностью.

— Спасибо, — снова благодарю его и откладываю смартфон на тумбочку.

Он довольно кивает, разворачивается, чтобы уйти, но я проворно хватаю Артёма за футболку и тяну на себя.

Обхватываю его шею руками и тянусь, чтобы поцеловать.

— Что ты задумала? — спрашивает он, нависая надо мной.

— Рассказать или лучше показать?

— Показать… — Его ладонь скользит по моей спине, заставляя забыть и о лекциях, и о времени, и о новом телефоне.

В этот момент для меня существует только тепло Артёма, его объятия и спокойная уверенность в том, что я действительно любима.

Спустя какое-то время мы лежим под скомканным одеялом и понемногу приходим в себя.

Я устраиваюсь у него на груди, прислушиваясь к ровному биению сердца, и рассеянно вожу кончиками пальцев по его тёплой коже, выводя незамысловатые узоры.

Разумеется, на лекцию я опаздываю. Но, что удивительно, меня это совершенно не беспокоит.

Мысль о занятиях кажется сейчас такой далёкой и незначительной, что я даже не пытаюсь торопиться.

Встав под горячий душ, я окончательно перестаю следить за временем. Позволяю воде смыть остатки сонливости, неторопливо мою волосы и ещё несколько минут просто стою с закрытыми глазами, вспоминая прошедшее утро.

Пока Артём занимается завтраком, я одеваюсь, сушу волосы и привожу себя в порядок.

Затем выхожу на кухню и замечаю, как мой любимый стоит возле плиты и жарит омлет.

«Какой он красивый...» — смотрю на его широкую спину и прикусываю губу.

— Садись, студентка.

— Пахнет очень вкусно, — сажусь за стол и снова перевожу взгляд на смартфон.

— Нравится?

— Очень.

— Свет, мама вчера звонила, — продолжает он, перекладывая омлет на тарелки. — Просила помочь закрыть дачу на зиму. Нужно воду перекрыть, убрать мебель с веранды и проверить крышу.

— Я должна как-то помочь? — не понимаю, к чему он ведёт.

— Нет, ты ничего не должна. Но я хочу, чтобы ты немного погуляла на природе. Может, съездим вместе?

Я замираю с чашкой в руках и опускаю глаза в тарелку.

Отказать хочется сразу. С его мамой у нас с первого момента знакомства складываются непростые отношения, хотя я так и не поняла причин.

Я не хамлю, часто вызываюсь помочь. Но она словно стену с первого дня возвела и старается показать, что не воспринимает меня как девушку сына.

Даже то, что мы начали жить вместе для неё не стало весомым аргументом для пересмотра своего отношения ко мне.

Она улыбается мне, говорит подчёркнуто вежливо, но в каждом вопросе слышится сомнение: достаточно ли я хороша для её сына, правильно ли веду хозяйство, не мешаю ли Артёму строить карьеру.

Рядом с ней я постоянно чувствую себя студенткой на экзамене. Хотя о чём это я? Я ведь студентка и есть.

— Обязательно вместе? — осторожно спрашиваю.

— Я был бы рад, если бы ты поехала. Но заставлять не стану.

В его голосе нет ни злости, ни обиды, ни упрёка. И от этого я ещё больше ёрзаю на стуле. Так мне становится труднее отказаться.

— Светка, моя мама… холодна с тобой, но ты не первая, кого она недолюбливает. Не бери на свой счёт. Она всегда относилась к моим девушкам недоверчиво.

— Почему?

— Не знаю. Ревновала, наверное, — пожимает плечами Артём и отправляет кусок омлета в рот. — Она всегда ставила меня на первое место в своей жизни.

— Вот только не говори мне, что ты сыночка – корзиночка! — усмехаюсь, представляя его в этой роли.

— А похож? — смеётся в ответ.

— С трудом! — снова обвожу Артёма взглядом и пытаюсь представить его в этой роли. Не получается.

Не знаю, какой он с матерью, но со мной он настоящий мужчина: всегда учитывает моё мнение, пытается сделать меня счастливой и глобальные вопросы пытается решить самостоятельно, даже не вовлекая меня в проблему.

— Хорошо, — выдыхаю я. — Поедем вместе.

— Уверена?

— Нет. Но если твоя мама снова спросит, почему ты похудел, защищать меня будешь ты.

Артём смеётся, тянется ко мне и целует.

— Ладно. Скажу, что ты меня измотала, — играет бровями.

— Вот дурак! — закатываю глаза и хохочу в голос. — Твоя мама мне никогда этого не простит.

— Главное, что я тебе всё прощу. А на остальных плевать.

Глава 2

На следующий день мы приезжаем на дачу ближе к полудню.

Дорога занимает чуть больше времени, чем мы рассчитывали: после ночного дождя асфальт блестит, а на просёлке машину то и дело слегка ведёт по размокшей колее.

Летом здесь, наверное, красиво и уютно, но сейчас эти дачи выглядят каким-то осиротевшими.

Артём сворачивает с дороги и останавливается перед высокими металлическими воротами.

— Приехали, — он выбирается из машины, застёгивает куртку до подбородка и идёт к двери, осторожно обходя лужи. — Пока я буду помогать матери, если хочешь, иди погуляй у озера. Здесь совсем недалеко.

Я смотрю туда, куда уходит узкая тропинка за дачными домами, и замечаю, что за ними виднеется тусклая полоска воды.

Озеро сейчас кажется почти одного цвета с небом — холодное, неподвижное и совсем не располагающее к прогулкам.

— Нет, я пока с тобой.

Пока Артём открывает ворота, а я не спешу выходить следом. Остаюсь в машине и прячу руки в рукава куртки.

Мне не холодно. Просто хочется занять себя хоть чем-нибудь: поправить волосы, проверить телефон, застегнуть и снова расстегнуть молнию.

Сделать что угодно, лишь бы перестать нервничать.

Но тревога всё равно сидит где-то внутри и с каждым мгновением становится тяжелее.

Я почему-то уверена, что Мария Сергеевна не обрадуется моему приезду.

Артём, понимая, что я затаилась как мышка, поворачивается ко мне.

— Света, пойдём.

— Да, да. Иду.

Он возвращается к машине и берёт мои руки в свои.

— Всё хорошо? Ты чего так побледнела?

— Не знаю, — вру.

Ответ получается слишком поспешным. Артём внимательно смотрит мне в лицо, словно пытается поймать ложь, но я уже открываю дверь.

— Ты со мной. И я не дам тебя в обиду. Никогда. Неважно, кто захочет обидеть. Поняла? — Артём берёт моё лицо в ладони. Он обожает целовать меня в губы и делает это сейчас.

— Угу, — мычу.

— Милая, я быстро! Сделаю дела и сразу уедем. В кино, например.

— Отличная идея, — приободряюсь.

Пока мы обсуждаем планы, на крыльце появляется Мария Сергеевна.

Она набрасывает на плечи длинную вязаную кофту и торопливо спускается к машине.

— Артёмушка, приехал!

Она бросается к сыну с объятиями так стремительно, будто не видела его несколько лет, хотя он был у неё на днях.

Мария Сергеевна обхватывает его за шею, прижимается щекой к груди и начинает причитать, что он совсем её забыл, редко звонит и почти не навещает.

Я знаю, что Артём не любит такие проявления щенячьей радости, однако мать не отстраняет. Терпеливо обнимает её в ответ и даже гладит по спине.

Он жалеет её. И всё потому, что Мария Сергеевна, словно специально давя на самые нужные точки, часто напоминая о своём одиночестве и ненужности.

В любом диалоге, даже если это не связано с её жизнью, она каким-то странным образом способна между делом заметить, что сыну с того момента, как я появилась в его жизни, больше нет до неё никакого дела.

Артём не пытается убедить в том, что она не права. В такие моменты она сразу начинает хвататься за сердце и измерять давление.

— Мам, я давно уже не Артёмушка. Здравствуй, — терпеливо произносит он и чуть отстраняет её от себя.

— Я ждала тебя с утра, — следует упрёк.

Радость ещё не исчезает с её лица, но голос уже меняется. В нём появляются знакомые обиженные нотки.

Мария Сергеевна не сводит глаз с сына, словно надеется увидеть раскаяние.

— Приехал как смог. Раньше не получилось.

— Почему?

Всего одно слово, но оно звучит неожиданно резко. Она отступает на полшага и оглядывает Артёма так, будто пытается понять, что могло оказаться важнее её просьбы.

Только после того, как Мария Сергеевна задаёт этот вопрос, она замечает меня.

Хотя, мне кажется, только делает вид, что замечает. Она не могла не заметить, что я стояла рядом.

Перемена в её лице происходит почти мгновенно. Восторженная улыбка меркнет, словно её стирают одним взмахом руки.

Взгляд становится настороженным, а руки, ещё секунду назад лежавшие на плечах сына, медленно соскальзывают вниз.

— А, Света... — более сухо приветствует меня она. — Добрый день.

— Здравствуйте, Мария Сергеевна, — улыбка получается натянутой и совершенно неестественной.

Мария Сергеевна едва заметно кивает в ответ, а затем снова поворачивается к сыну. Между её бровями появляется тонкая складка.

— Поэтому? — чуть кивает в мою сторону. — Ну правильно, зачем к матери больной торопится, если она рядом...

Она не произносит моего имени. Даже не смотрит на меня. От этого короткого движения становится неприятно, словно я не человек, а досадное обстоятельство, помешавшее её планам.

Артём мгновенно напрягается.

— Прекрати!

— А я и не начинала.

— Ну вот раз и не начинала, значит, и не смей. Или мы уедем.

— Правда? — вижу, что она теряется. — И матери не поможешь?

Несколько секунд они молча смотрят друг на друга. Я вижу, что Артёму хочется развернуться и уехать, но он снова наступает себе на горло ради матери.

Понимаю, Мария Сергеевна хочет сделать виноватой в своих бедах меня. Но пока ей это так и не удаётся сделать. Слишком непреклонен её сын в борьбе за собственное счастье.

Как бы оно ни было, меньше всего мне хочется стать причиной их конфликта.

Я замираю возле машины, не зная, в какую сторону смотреть. В глаза ей не получается, а в сторону неприлично.

Хотя при девушке сына вести себя подобным образом тоже, на мой взгляд, не идеал воспитания.

— Я приехал. Это главное. Показывай работу. А Света пока в доме побудет.

— Артём… — пытается смягчить мать голос.

Но он уже не слушает её. Подходит ко мне, берёт за руку и переплетает наши пальцы. Следом наклоняется и целует меня в губы.

Этоскромный поцелуй, без фанатизма, но он словно тем самым даёт ей понять, что я тоже имею для него весомый вес.

От неожиданности я вздрагиваю. Щёки начинают мгновенно гореть.

Мария Сергеевна, наблюдая это, опускает глаза и отворачивается.

— Заходите быстрее в дом, — бросает она, заходя на крыльцо. — Чайник уже десять раз вскипел.

— Спасибо, — теперь уже более ласкового говорит мой любимый, а я заставляю его посмотреть мне в глаза.

— Артём, — дёргаю его за руку. — Зачем ты так?! Она не рада мне, а ты ещё больше её злишь.

— Она никому не рада, — говорит странные слова в ответ. — А я не мальчик, чтобы прятаться от неё. Или тебя прятать...

— Зря ты привёз меня сюда.

— Света, мы и так практически не видимся. Я не хотел снова проводить время врозь.

— Я тоже. Но… Ладно, давай я всё-таки подожду тебя в машине.

— Даже не думай, — неожиданно повышает голос Артём, но в нём нет злости. Безапелляционность и не более. — Иди в дом, отдыхай. Света, запомни: то, что ты не нравишься моей матери — это не твоя проблема. Это проблема моей матери.

— Но я не хочу её раздражать.

— Ты моя девушка. Маме придётся принять это, хочет она это или нет. В ином случае…

— Что в ином случае? — снова раздаётся за нашими спинами голос его матери.

Глава 3

Я торопливо отдёргиваю руку от Артёма. Делаю это так резко, будто Мария Сергеевна застала нас за чем-то неприличным.

Щёки мгновенно обдаёт жаром, и я опускаю глаза, не зная, куда себя деть.

В дверях снова стоит Мария Сергеевна. В руке она держит электрический чайник.

Женщина неподвижно смотрит на нас. Вернее, сначала на Артёма, а затем переводит тяжёлый, пристальный взгляд на меня.

В её глазах мелькает откровенное недовольство, и она даже не пытается сделать вид, будто не расслышала наш разговор.

Напротив, всем своим видом женщина показывает, что ждёт объяснений.

На улице повисает напряжённая тишина.

— Артём, ты о чём только что говорил? — снова спрашивает она.

Не знаю, зачем она его пытает и издевается над ним. Или надо мной...

Она же наверняка видит, в каком я смущённом состоянии.

Мне внезапно начинает казаться, что она намеренно провоцирует сына.

Возможно, надеется, что в её присутствии он растеряется, отступит и не решится повторить то, что совсем недавно говорил мне.

А может, наоборот, хочет вынудить его ещё раз озвучить свою позицию, чтобы уже открыто высказать всё, что она об этом думает.

Я украдкой смотрю на Артёма, ожидая, что он хотя бы попытается смягчить ситуацию. Теперь мы обе ждём, что он скажет.

— Я говорил, что ты рада Свете так же, как и мне, — невозмутимо отвечает он. — А если нет, то мне придётся уехать. Но ты же этого не хочешь. Правда, мама?

Артём даже не пытается притвориться смущённым или растерянным. Напротив, смотрит на мать прямо и уверенно, не оставляя ей возможности уклониться от ответа.

От тех интонаций, с которыми он задаёт матери вопрос, по моей спине пробегает холодок.

Это не просьба. И уж тем более не вопрос. Он не оставляет ей выбора и делает откровенное предупреждение.

Мой мужчина словно заранее сообщает матери, какой именно ответ хочет услышать.

Он не собирается спорить, что-то доказывать или просить её относиться ко мне доброжелательнее.

Артём просто ставит её перед фактом: я нахожусь рядом с ним, и ей придётся это принять.

Мария Сергеевна смотрит на сына практически не моргая. Уверена: она прекрасно поняла его условие нахождения здесь.

Я замечаю, как сильнее сжимаются её пальцы на ручке чайника, а губы превращаются в тонкую линию.

Несколько секунд она молчит, переводя взгляд с сына, а затем на наши соединённые руки.

Мария Сергеевна всё-таки сдерживает раздражение и медленно выдыхает:

— Конечно, не хочу. Просто не ожидала, что вы приедете вместе.

— Привыкай. Это не изменится.

В этой короткой фразе звучит окончание разговора. Артём ясно даёт понять, что я никуда не денусь и возвращаться к этой теме не намерен.

Я была уверена, что он защитит меня, но сомневалась, что сделает это при мне.

Однако мать не смогла поставить его в неловкое положение, и он открыто встал на мою сторону, не позволяя ей унизить меня.

— Я всегда рада гостям, сынок. Кто бы это ни был. Ладно, сколько можно стоять на пороге. Заходите в дом. Холодно…

Артём пропускает меня вперёд и кладёт ладонь мне на поясницу.

На кухне душно. Пахнет сушёной мятой, яблоками и чем-то сдобным. На круглом столе уже стоит чашка с блюдцем, вазочка с конфетами и тарелка с нарезанным рулетом.

Вижу, что всё приготовлено только для одного гостя. Для Артёма.

Мария Сергеевна снова переводит глаза на сына, и, чувствуя его недовольство открывает дверцу буфета.

Достаёт вторую чашку. Другую. Не из того сервиза, что достала для сына.

Проще. Неприметнее. И кажется, даже старше этого дома.

Ставит её передо мной чуть резче, чем нужно, и рядом опускает блюдце.

Фарфор ударяется о стол с коротким звоном.

Услышав звон, жду, что на посуде появится трещина. Но она выдерживает накал эмоций хозяйки.

— Спасибо, — тихо говорю я. — Но я не голодна. Чай пить не буду.

— Будешь, — поворачивается ко мне любимый.

— Ну, рассказывайте, как дела, — произносит она, усаживаясь напротив сына. — Ты совсем пропал, Артём. Звонишь на две минуты и вечно куда-то спешишь.

— Работы много, мам.

— Какой?

— Разной, — размыто говорит он. — Давай не будем об этом.

— Сынок, отец встретил вашего общего сослуживца и тот сказал, что у тебя какой-то конфликт с руководством. Это правда.

Чашка Артёма зависает в воздухе.

— Мам, я не хочу говорить на эту тему.

— Почему ты не хочешь со мной поделиться!

— Потому что я взрослый мужик и не нуждаюсь в этих разговорах. Кроме того, чем ты можешь мне помочь?

— Тебе нельзя уходить из армии! — продолжает настаивать на разговоре.

— Я не планировал. Но если вдруг жизнь заставит, я не стану прогибаться.

— Сынок, жизнь сложнее твоих собственных амбиций. Лучше думай о том, как ты будешь зарабатывать, если не уволишься.

— О моих заработках можешь не волноваться. Я со всем разберусь.

— Разобраться-то ты разберёшься, — усмехается Мария Сергеевна. — Только раньше тебе приходилось обеспечивать одного себя, а теперь, когда появилась Светлана, расходы растут.

Последние слова она произносит с явным неодобрением и снова бросает на меня тяжёлый взгляд.

Женщина вновь даёт понять, что считает меня обузой для Артёма, словно именно из-за моего появления расходы её сына заметно увеличились.

— Если понадобится, я и троих обеспечу, — без раздумий отвечает он.

Мария Сергеевна резко дёргается.

Я вглядываюсь в её лицо и не сразу понимаю, что именно так её поразило.

Лишь спустя несколько секунд до меня доходит скрытый смысл сказанного Артёмом.

Она, вероятно, решила, что слово «троих» — значит, речь идёт не только про него и меня, а ещё и о ребёнке.

— Троих? — переспрашивает Мария Сергеевна, и её губы подрагивают.

Теперь она смотрит не столько на сына, сколько на меня, будто пытается по моему поведению определить, есть ли для её беспокойства реальные основания и не скрываем ли мы чего.

Глава 4

Наконец и до Артёма доходит из-за чего так разнервничалась его мама.

— Света не беременна.

— Хорошо. Пока я не готова стать бабушкой.

— Прости, но если вдруг ребёнок появится, твоего разрешения мы спрашивать не будем.

Мать Артёма встаёт со стула так резко, что он не удерживается на ножках и падает.

— Сын, ты стал груб!

— А ты стала слишком внимательна к моей личной жизни.

— И что? Я твоя мать.

— Я об этом никогда не забывал. Я прошу лишь об одном: относись с уважением к моей женщине и между нами не будет конфликтов.

— Уважение надо заслужить! И я лишь переживаю за твои расходы.

— Мам, тебе незачем переживать из-за моих финансов. Я взрослый человек и способен сам о себе позаботиться.

— Ты мой единственный сын! — с нажимом произносит она. — Поэтому я беспокоюсь и буду беспокоиться. Всегда, независимо от того, сколько тебе лет.

— Артём, пожалуйста, — тихо говорю ему я, напоминая о своём присутствии.

Он никогда не ведёт себя подобным образом, но сегодня словно срывается.

— Извини, малышка, — поворачивается ко мне. — Жаль, что ты не родила второго ребёнка, — теперь устало говорит матери.

— Я не смогла, — Мария Сергеевна гордо вскидывает подбородок. — Всю себя я отдала тебе. Ты родился таким крупным, настоящим богатырём. Врачи потом говорили, что я чудом выжила. Я ведь едва не умерла на родильном столе.

Артём на мгновение закрывает глаза и медленно выдыхает.

По его лицу я понимаю, что он слышит эту историю далеко не в первый раз. Похоже, мать регулярно напоминает ему, какой ценой он появился на свет и сколь многим ей обязан.

К счастью, Мария Сергеевна тоже не продолжает развивать эту тему.

Возможно, замечает его реакцию и понимает, что ещё немного — и терпение Артёма всё-таки закончится.

Она берёт чайник и продолжает хлопотать вокруг стола.

Сначала доливает чай сыну, потом наполняет мою чашку. Придвигает поближе сахарницу и ставит перед нами тарелку с нарезанным рулетом.

— Попробуйте, он свежий, — произносит она уже значительно спокойнее.

Её голос по-прежнему звучит прохладно, но открытая враждебность постепенно исчезает.

Кажется, Мария Сергеевна решила хотя бы внешне соблюдать приличия.

Я благодарю её, хотя к сладкому даже не притрагиваюсь.

От напряжения аппетит пропал окончательно.

В этот момент под столом Артём касается моей ноги. Его тёплая ладонь ложится на моё колено и медленно, успокаивающе проводит по нему.

Я поворачиваюсь к нему. Он встречает мой взгляд и едва заметно улыбается.

В этой улыбке читается простое и понятное обещание: «Я здесь. Ты не одна. Не обращай внимания и перестань волноваться».

Я киваю и снова опускаю глаза.

Тем временем Артём с матерью переходят к более безопасным темам. Мария Сергеевна начинает рассказывать о даче: о протекающей крыше, сломанной калитке и соседях, которые снова передвинули забор.

Артём задаёт короткие вопросы, обещает найти мастера и заказать необходимые материалы.

Потом они обсуждают какие-то семейные дела, квитанции и предстоящие покупки.

Я почти не прислушиваюсь к их разговору. Смотрю в чашку и думаю о том, что Артёму на самом деле приходится нелегко.

С того момента, как мы поняли, что между нами серьёзные отношения, все расходы в отношении нашей совместной жизни он взял на себя.

За всё время, что мы живём вместе, он ни разу не попросил у меня денег.

Он самостоятельно оплачивает съёмную квартиру, содержит машину, покупает продукты и ещё умудряется радовать меня подарками.

Я не раз пыталась убедить его, что нам необязательно жить на широкую ногу, и говорила, что можно выбирать продукты подешевле.

Однако Артём отказывается меня слушать.

Для него забота выражается именно так. Он не любит громких признаний и редко говорит о собственных чувствах, зато старается сделать мою жизнь спокойной и удобной.

Будто хочет доказать не словами, а поступками: рядом с ним мне не придётся ни в чём нуждаться.

— Я пошёл на улицу. Мама, показывай, что нужно делать.

— Иди. Я сейчас.

Она начинает собирать чашки со стола, а Артём, мазнув по мне взглядом, набрасывает куртку и выходит из дома.

Я жду, что Мария Сергеевна накинется на меня с каким-то надуманными обвинениями, но она вдруг поворачивается ко мне и улыбается.

— Чая ещё налить? — голос меняет интонацию кардинально. В нём нет больше ни злости, не претензии.

— Нет, спасибо.

— Не стесняйся, девочка.

— Я не стесняюсь. Просто не хочу кушать.

Она кивает, складывает чашки в раковину и идёт к выходу.

Она не успевает толком сесть, как громкий звук заставляет её подскочить на месте.

— Ох! — хватается за сердце.

Понимая, что это разрывается именно мой гаджет, спешу в коридор.

— Простите! — спешно достают его из кармана куртки.

Резкая мелодия, с которой разрывается телефон, кажется оглушительной.

Я торопливо жду на кнопку отмены, но звонок не прекращается.

Вот ведь зараза! Ну как же не вовремя!

Меньше всего мне хотелось доставать свою новинку при Марии Сергеевне, но громкая мелодия звонка не оставила мне выбора.

Уверена, что она увидит новую вещь и поспешит упрекнуть нас в неоправданных тратах. А это значит снова конфликт. И снова причиной тому стану я.

— Я не хотела вас пугать, — спешно убираю новую вещь.

— Понимаю, — продолжает держаться за сердце женщина. — Ничего страшного. — Ты не ответишь?

— Нет, пусть звонит.

— Ответь, Света. Наверное, что-то срочное.

Я снова достаю телефон и отвечаю старосте нашей группы.

Мария Сергеевна наблюдает за моим диалогом и ждёт. Правда — чего, не понимаю.

Вижу, как её взгляд скользит по блестящему корпусу, задерживается на моём лице, а затем снова перемещается на новинку.

Староста что-то быстро объясняет мне, но я её практически не слушаю.

Продолжаю чувствовать на себе пристальный взгляд Марии Сергеевны и ёжится.

— У тебя новинка? — спрашивает меня она, как только я заканчиваю разговор.

— Да.

— Хорошая вещь, — замечает Мария Сергеевна. — И, должно быть, недешёвая.

— Да, дорогая…

— Какая же ты молодец! — неожиданно громко восклицает она. — Ты, оказывается, такая трудолюбивая. Чтобы позволить себе подобные покупки, нужно, наверное, очень хорошо зарабатывать. Только не представляю, как тебе удаётся одновременно учиться и работать.

Теперь в её голосе слышатся нарочитая приветливость и почти восторженное одобрение. И от этого мне становится ещё более неловко.

— Я пока не работаю. Только учусь, — честно признаюсь, опуская взгляд.

Лгать не хочется. В этом всё равно нет никакого смысла: если Мария Сергеевна захочет узнать правду, то просто спросит у Артёма.

— В медицинском трудно совмещать учёбу с работой, — объясняю я. — Занятия у нас почти каждый день, а потом приходится готовиться до поздней ночи. Возможно, позже я найду какую-нибудь подработку.

Не понимаю, почему мне приходится оправдываться и отчего я чувствую себя виноватой. Ведь я не бездельничаю, не пропускаю занятия и не прошу посторонних обеспечивать меня.

И всё же рядом с Марией Сергеевной меня не покидает ощущение, будто я обязана доказать, что достойна находиться рядом с её сыном.

— Тогда мне любопытно, — с мягкой улыбкой произносит она. — Откуда у неработающей студентки деньги на подобные гаджеты?

Поднимаю на неё глаза и понимаю, какого ответа она от меня ждёт.

Глава 5

Я могла бы соврать. Сказать, что телефон достался мне с огромной скидкой по какой-нибудь акции.

Или что я несколько месяцев откладывала деньги, экономила на обедах, не покупала себе ничего лишнего.

Можно было придумать ещё десяток вполне правдоподобных объяснений — одно убедительнее другого.

Но какой в этом смысл?Ложь всё равно быстро раскроется.

К тому же сам Артём не видит в своём подарке ничего предосудительного. Для него это всего лишь телефон. Полезная вещь, которую он захотел мне подарить.

— Мне ваш сын подарил.

На несколько секунд в кухне становится так тихо, что я слышу тиканье часов на стене.

Мария Сергеевна, услышав то, что хотела услышать, морщит нос, сжимает зубы и отводит глаза.

На её лице появляется не только раздражение. В глазах мелькает настоящая, почти детская обида. Она ведёт себя так, будто Артём забрал у неё что-то важное, принадлежащее только ей, и без спроса отдал мне.

Я ожидала подобной реакции. Наверное, ещё в тот момент, когда она заметила телефон в моей руке, поняла, чем закончится этот разговор. И всё же легче от этого не становится.

— Сын, значит, — медленно произносит она. — Ясно. М-да…

— Это просто телефон, — осторожно говорю я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Не нужно придавать этому такое значение.

Мария Сергеевна резко вскидывает на меня глаза.

— Просто телефон? — переспрашивает она, повышая голос. — Нет, дорогая моя, это не просто телефон! Это не купленные для меня вещи.

— О чём вы? Я…

Открываю рот, собираясь что-то сказать, но она не даёт мне вставить ни слова.

— Я просила его купить мне на дачу стиральную машину. Он мне отказал. Говорит, мол, с деньгами туго. На следующий, мол, год. А тебе, значит, не на следующий! Я вошла в положение, понимаешь? Не стала давить, не стала ничего требовать. Подумала: ну действительно, мало ли какие у человека трудности. Он взрослый, сам распоряжается своими деньгами.

— Мария Сергеевна, подождите... Я не понимаю, вам обязательно нужно сделать так, чтобы я начала чувствовать себя виноватой? — не выдерживаю её претензий.

— А ты, значит, белая и пушистая! — вскидывает руки и бьёт себе по коленкам.

Я несколько секунд смотрю на неё, не находя слов. Объяснять что-либо бесполезно. Что бы я ни сказала, она всё перевернёт по-своему. Любое оправдание станет признанием вины, любое возражение — доказательством моей наглости.

— Всё, надоело… — выдыхаю я.

Поднимаюсь так резко, что стул с противным скрежетом отъезжает назад. Этот звук режет по ушам, но я даже не оборачиваюсь.

Снимаю куртку с крючка в прихожей и торопливо просовываю руки в рукава. Пальцы не слушаются. Молния никак не попадает в паз, и это окончательно выводит меня из себя.

За спиной Мария Сергеевна что-то возмущённо говорит, но я уже не вслушиваюсь.

Я никогда не любила конфликты, а с близкими своего любимого и подавно.

Я представляла наши отношения иначе, но, видимо, не судьба.

Мне нужно уйти. Немедленно. Пока я не наговорила того, о чём потом пожалею.

Я дёргаю входную дверь и почти выбегаю на крыльцо. Холодный воздух ударяет в лицо.

После душной кухни дышать становится легче, хотя неприятный осадок никуда не исчезает.

Мария Сергеевна выходит следом. Она даже не застегнула пальто, только придерживает его рукой у груди. На лице застыло оскорблённое выражение.

— Ах, я, значит, тебе надоела? — громко произносит она, трактуя мои слова именно так, как ей удобно.

— Что случилось? — поворачиваю голову и вижу Артёма. Он выходит из-за угла дома и смотрит на нас.

На нём расстёгнутая куртка, в одной руке он держит рабочие перчатки.

Судя по растерянному выражению лица, он слышал наши голоса, но пока не понимает, из-за чего мы спорим.

Его взгляд быстро скользит от матери ко мне. Он замечает моё побледневшее лицо, мои дрожащие руки и тут же хмурится.

Мне становится ещё тяжелее. Меньше всего я хотела втягивать его в этот конфликт и заставлять выбирать между нами. Но сейчас оставаться здесь выше моих сил.

— Увези меня отсюда, или я уйду пешком, — тороплюсь к калитке.

Я стараюсь пройти мимо него, не поднимая глаз. Если посмотрю Артёму в лицо, то либо расплачусь, либо начну кричать. Ни того ни другого я не хочу.

— Что случилось?! — повторяя вопрос, повышая тон и хватая меня за локоть.

Его пальцы сжимаются слишком сильно. Я резко останавливаюсь и дёргаю рукой, пытаясь освободиться.

— Артём, отпусти. Я хочу уйти!

Он сразу разжимает ладонь, но отступать не собирается. Встаёт передо мной, загораживая дорогу к калитке.

— Сначала объясни, что произошло.

— Случилось то, что твоя женщина меня оскорбила! Я увидела, что ты купил ей новую игрушку, и высказала своё мнение. Спокойно, между прочим, высказала! А она сразу начала на меня нападать. Заявила, что я ей надоела, а потом демонстративно выскочила из дома!

— Ваше мнение никто не спрашивал, — не знаю, что происходит со мной, но терпеть эту сумасшедшую больше не хочется.

На несколько секунд все замолкают.

Артём удивлённо смотрит на меня. Мария Сергеевна медленно выпрямляется.

Её глаза расширяются, а затем опасно сужаются. Догадываюсь: она спровоцировала меня, а я как дура откликнулась на её провокацию.

Я и сама не понимаю, что со мной происходит. Обычно я умею промолчать, сгладить острые углы, сделать вид, что не заметила чужой грубости. Но сегодня внутри словно что-то ломается. Терпеть бесконечные обвинения и оправдываться за чужой подарок я больше не могу.

— Интересно... То есть ты хочешь сказать, что ты плевала на родителей своего мужчины, да? Хочешь жить только в своё удовольствие? — продолжает более тихим голосом.

— Хочу, — как можно спокойнее отвечаю я. — А ради чьего удовольствия я должна жить? Ради вашего?

Лицо Марии Сергеевны вытягивается. Она явно ожидала чего угодно, только не такого странного и прямого ответа.

А что я должна сделать? Промолчать или промямлить, что она всё не так поняла? Не хочу.

— Свет... — Артём разворачивает меня к себе, и я вижу на его лице искреннее замешательство.

Он хмурится, внимательно всматривается в мои глаза, словно пытается отыскать в них знакомую ему Свету — спокойную, терпеливую, всегда готовую промолчать ради чужого удобства.

— Что с тобой? — спрашивает он. — Ты никогда себя так не вела.

— А меня никогда прежде не пытался задеть, — бросаю в пику. — Я сирота. Меня защитить не кому. Думала: ты на это способен. Способен, Артём?

Мы смотрим в глаза друг другу, практически не моргая.

Для него, как и для меня в этот миг даже его причитающей матери рядом словно не существует.

— Она сказала, что я ей надоела! — снова взвизгивает рядом Мария Сергеевна, пытаясь привлечь к себе очередное внимание.

— Я не это сказала, — продолжаю сканировать лицо любимого.

— Именно это, — не унимается. — Я всего лишь назвала вещи своими именами: ты работаешь сутками, а она…

— А я что? — перебиваю её. — Давайте, заканчивайте.

— А ты пользуешься им.

Артём закрывает глаза, и я вижу, как тяжело ему сдерживаться.

— Садись в машину, — уступает мне.

— Куда ты?! Ты что, собрался уехать? Артём, ты не сделал то, что обещал.

— Мам, тебе лучше уйти, — говорит он.

— Что?

— Ты меня услышала. Иди в дом. С делами разберёмся позднее.

— Я уйду. Но сначала она извинится, — заявляет его мать. — В моём присутствии никто не смеет разговаривать со мной в таком тоне.

— Свет... — он смотрит на меня, а я не дышу. Неужели он станет настаивать на том, чтобы я извинилась перед ней?!

Глава 6

— Ты не видела мои ключи? Не помню, где оставил.

— Я помню как ты положил их в карман куртки, — выдыхаю, потому что ошиблась в своих страхах.

Ключи… Я прикрываю глаза.

Глупо. Как же глупо я успеваю испугаться за какие-то несколько секунд.

Если бы он заставил меня извиняться перед своей матерью, вероятнее всего, я бы собрала вещи и ушла от Артёма.

Потому что я могу извиняться, когда виновата. Могу признавать ошибки. Но я не собираюсь просить прощения за то, что существую и не соответствую чьим-то представлениям о правильной жене для единственного сына.

— Артём, не смей уезжать!

— Мам, хватит, — предупреждает её Артём, и я вижу, что он находит в кармане ключи от машины.

— Не хватит, сынок. Нечего было сироту брать в невесты. Теперь всю жизнь будешь восполнять то, чего ей родители не дали.

Слова не просто задевают меня. В этот момент я совершенно точно представляю Марию Сергеевну, стоящую близко возле меня и давящую на мою старую, едва затянувшуюся рану.

Она, словно издеваясь, нажимает прямо на неё и смотрит за моей реакцией.

Артём поворачивается к матери, и по тому, как напрягается его спина, я понимаю: сейчас он уже не станет сдерживаться.

— Ты пробила дно. Зря ты это сказала, мама, — цедит сквозь зубы.

В его голосе нет крика. Но оттого, как он говорит эти слова — это звучит страшнее.

Артём редко повышает голос, редко спорит, редко показывает раздражение. Обычно он умеет договориться с кем угодно. Но сейчас он говорит так, будто ставит точку.

Мы быстро садимся в машину.

Дверь захлопывается, и на несколько секунд наступает такая тишина, что я слышу собственное дыхание.

Артём заводит двигатель, но машина вдруг глохнет.

Я жду, что она больше не заведётся и мы останемся здесь, но Артём не сдаётся.

Всю дорогу мы молчим.

Радио не включено. Только шорох шин по мокрому асфальту, редкие сигналы машин и ровный гул двигателя.

Артём смотрит вперёд, я смотрю в боковое окно. Мы рядом, на расстоянии вытянутой руки, но между нами будто выросла стена.

Дома мы также почти не разговариваем.

Я долго стою под горячим душем, пока кожа не краснеет. Потом выхожу в спальню и вижу Артёма у окна.

Он уже переоделся, но свет не включает.

Спать мы ложимся отворачиваясь друг от друга. Впервые за всё время, пока вместе.

Я лежу с открытыми глазами и смотрю в темноту. Мне хочется придвинуться к нему, уткнуться лицом в его спину, обнять крепко и попросить прощения за то, чего я не делала. Но я не могу.

Боюсь, что если я начну говорить, мы снова незаметно скатимся к разговору о его семье. А я меньше всего сегодня хочу снова начинать разговор о его матери.

Утром я просыпаюсь раньше будильника. Бегу на кухню и начинаю готовить завтрак. Мне нужно что-то делать руками, иначе мысли снова потянут меня во вчерашний вечер.

Артём появляется в дверях через несколько минут уже в форме.

Он подходит ко мне, целует меня в висок, затем ставит чайник, достаёт кружки, берёт телефон в руки и отворачивается.

Я вижу, что на экране его телефона много сообщений, но я не представляю от кого они.

Замечаю, что, читая их, его лицо становится ещё серьёзнее, чем было, когда он вошёл на кухню.

— Артём, — тихо зову я.

— М? — даже глаз на меня не поднимает.

— Давай поговорим?

— Свет… — тяжело вздыхает. — С утра это обязательно?

— Нет, но… Но мы так редко видимся.

— Свет, не хочу больше говорить о матери. Я виноват в том, что потащил тебя с собой. Я признаю свою ошибку.

— Ты больше не будешь настаивать на том, чтобы я ездила с тобой к твоим родителям?

— Не буду.

— Спасибо. Артём, и всё-таки, можно я скажу.

— Говори, — снова вздыхает.

— Я не о твоей маме! — следом быстро предупреждаю его. — Я знаю, что нам сейчас тяжело. Я знаю, что тебе приходится тянуть нас обоих. Учёба, квартира, мои проблемы… всё это слишком сложно. Но я обещаю: как только получу жильё от государства, нам станет легче. Я окончу университет, найду работу получше и буду вкладываться больше.

— Прекрати, — прерывает меня.

— Нет. Я не хочу, чтобы ты думал, будто я сижу у тебя на шее. Я не хочу, чтобы твоя мама убедила тебя в этом.

— Свет…— повторяет моё имя.

— Нет, дай мне договорить, — тороплюсь я. — Я знаю, что сейчас я не могу дать тебе столько же, сколько ты даёшь мне. Но я смогу. Обязательно смогу. Просто мне нужно немного времени.

Он улыбается. Едва заметно, но я вижу.

— Я знаю, что сможешь. Ты молодец.

И всё... Он больше ничего не говорит. Лишь встаёт и уходит.

Становится не по себе. Обычно он сто раз меня перед выходом поцелует, а сегодня не сделал этого ни разу.

Артём быстро собирается и уезжает на службу. Я надеюсь, что к вечеру его настроение станет лучше, но он возвращается ещё более хмурым.

Предполагаю, что ему опять звонила мать. Что она жаловалась, плакала, говорила, будто родители брошены. И причина этому — я.

Артём ничего не рассказывает, ужинает почти молча, потом долго сидит в гостиной, глядя в выключенный телевизор.

Ближе к ночи я ложусь в кровать и жду его. Но он не торопится в кровать.

Выходит в коридор, разговаривает с кем-то по телефону. Голос звучит приглушённо, но напряжённо.

Я не различаю слов, только отдельные фразы: «понимаю», «всё будет нормально», «да, решение окончательное».

Я засыпаю, так и не дождавшись его.

Следующие несколько дней проходят одинаково: мы встречаемся на кухне, завтракаем, обсуждаем что-то неважное, и разъезжается.

Все эти дни Артём приезжает почти за полночь.

Иногда я слышу, как он тихо открывает входную дверь, стараясь меня не разбудить.

Иногда просыпаюсь от прикосновения его холодной ладони к моим волосам, но делаю вид, что сплю.

И всё это — потому что я боюсь задать единственный вопрос: что с нами происходит?

Из-за учёбы я выматываюсь и чаще всего не дожидаюсь его.

А потом наступает день, когда я возвращаюсь домой раньше обычного.

В квартире тихо. Я снимаю обувь, ставлю сумку на пол и вдруг замечаю в прихожей ботинки Артёма. Сердце почему-то сразу ускоряется.

Он дома. Обычно такого не случается в дневное время.

Я прохожу в гостиную и вижу его на диване. Он сидит, наклонившись вперёд, сцепив руки в замок.

— Ты дома? — удивляюсь я.

— Да, — отвечает он и сразу отводит взгляд.

Мне не нужно ничего говорить. Наблюдая за тем, как он напряжён, я и сама догадываюсь: что-то случилось.

— Артём, всё нормально?

Он молчит.

Плохое предчувствие растёт так быстро, что становится трудно дышать.

Первое, что приходит в голову: Мария Сергеевна всё-таки добилась своего. Она убедила его, что я не пара ему. Что со мной будет сложно. Что ему нужна другая жизнь.

— Сядь, Свет, — говорит он.

Я не двигаюсь. Ноги становятся деревянными. В горле пересыхает.

— Я постою. Говори.

Артём медленно поднимает на меня глаза. В них столько вины, что я пугаюсь ещё сильнее.

Глава 7

— Света, мне нужно уехать.

Сначала я даже не понимаю, что он говорит. Слышу слова, вижу, как шевелятся его губы, но смысл до меня не доходит.

Перевожу взгляд на его руки. Его пальцы несколько раз сжимаются в кулак и тут же разжимаются, будто он не знает, куда себя деть.

— Куда уехать? На дачу? К родителям? — я пытаюсь улыбнуться, но губы не слушаются.

Слова звучат почти шутливо, но голос выдаёт меня. В нём слишком много тревоги.

— Если к ним, тогда, может, тебе и правда лучше побыть немного с мамой. Она так скучает по тебе…

— Нет, — перебивает он. — Не к родителям.

Артём отводит взгляд, словно ему трудно смотреть мне в глаза. Потом наклоняется, берёт с кресла папку и раскрывает её. Перелистывает несколько страниц, но протягивать папку мне не спешит.

Я смотрю на неё, потом на него.

— Что это?

Он молчит всего несколько секунд, но мне кажется, что проходит целая вечность.

— Я подписал контракт, — наконец произносит он. — Еду за ленточку.

Что? Какой контракт? Какую ленточку?

В голове почему-то возникает нелепая картинка — какая-то дорога, лента, военная часть, обычная командировка.

Я цепляюсь за эту мысль, потому что она кажется безопасной. Потому что за ней нет того ужаса, который я уже начинаю чувствовать внутри.

Стараюсь собраться. Мне нужно понять, что происходит.

— Свет, не молчи, — я слышу в его голосе просьбу, почти мольбу. Но ответить не могу. Горло сжимается, словно кто-то осторожно, но неумолимо затягивает вокруг него петлю.

Да, молчать сейчас не самый лучший вариант. Да и мне самой нужны объяснения.

— Я помню, как ты разговаривал с сослуживцами, и они произносили слово «ленточка». Но они были… Они воевали.

— Да, всё так. Они были в зоне боевых действий.

Вот значит как… Воевали!

— Ты… — Голос срывается. Я сглатываю и отворачиваюсь. — Ты туда едешь?

Артём делает шаг ко мне.

— Света…

— Не подходи.

Я выставляю ладонь, хотя он ещё даже не успевает меня коснуться.

Если он прикоснётся ко мне, я не выдержу этого напряжения.

А мне нужно выдержать. Нужно принять его слова и не заплакать. Только не перед ним.

Почему? Потому что для меня поведение Артёма сейчас выглядит как самое настоящее предательство.

А ещё я расцениваю его поведение как побег!

От меня! От проблем, которые возникли между нами после разговора с его матерью! От всего, что мы не можем сказать друг другу в глаза!

— Посмотри на меня, — просит он.

Артём снова пытается меня обнять, но я резко дёргаю плечом, сбрасывая его руку. Получается грубее, чем я хотела, но останавливаться не собираюсь.

— Не хочу.

— Света, прекрати. Не веди себя как капризный ребёнок! Посмотри на меня! — теперь он говорит требовательнее. — Я не хочу расставаться… вот так!

— А я не хочу жить с ощущением, что ты трус! — всё-таки поворачиваюсь к нему.

Никогда не думала, что смогу сказать такое своему мужчине. Он всегда был и есть для меня олицетворением мужественности и честности.

Артём вздрагивает. Незаметно, но я замечаю.

Он оскорбляется, а я сразу начинаю чувствовать себя ещё хуже, чем до этой минуты.

— Ясно, — сжимает кулаки. — Жаль, что именно так я выгляжу в твоих глазах, любимая.

Ком в горле проситься наружу и всё-таки прорывается. Я оказываюсь слабее собственных эмоций.

— А как мне к тебе относится?! Ты же решил сбежать от проблем!

Разочарование во мне такое сильное, что, кажется, его можно увидеть через мои зрачки.

Я смотрю на Артёма и не узнаю человека, с которым ещё вчера строила планы.

— Я не сбегаю, — отрезает.

— Сбегаешь! Именно это ты и делаешь.

— Нет, Света. Я уезжаю по приказу.

— Ты мог отказаться.

— Мог, — неожиданно соглашается Артём.

Я даже не знаю, что сказать в ответ на такое простое «мог». Он не пытается оправдаться. Не спорит. Не говорит, что у него не было выбора.

Просто стоит передо мной, стиснув челюсти, и говорит так просто о том, что для меня выглядит как настоящая трагедия.

— Мог, — повторяет он. — Но тогда вместо меня поехал бы кто-то другой.

— И что с того?

— Света, ты всё не так поняла, — он снова тянется ко мне и на этот раз прижимает к себе, не позволяя отстраниться. — Я не сбегаю от проблем.

— Конечно, — усмехаюсь ему в грудь. — Просто очень удачно решил уехать именно сейчас.

— У меня не было выбора.

Поднимаю на него глаза, упираюсь ладонями в его грудь и отталкиваю. Не сильно, но достаточно, чтобы между нами снова появилось расстояние.

— Как это не было выбора? Выбор есть всегда.

— Это так кажется, что он есть всегда. Но ты, вероятно, в своей обиде забыла, кто я и что я служу родине. Это мой долг и решение вышестоящего руководства при таких условиях, как сейчас не обсуждается.

— Я знаю, но…

— Это случилось не сегодня. Я просто не хотел расстраивать. Не считая матери, я был настолько счастлив, что омрачать это состояние хотелось меньше всего. Я не говорил тебе, но у нас пришёл приказ. Из каждой части отправляют несколько человек. Я военный, сама понимаешь, такое бывает.

— Понимаю, — теперь уже как можно спокойнее отвечаю я. Конечно, я помню, что профессия моего любимого — родину защищать. — Но почему именно ты? Ты ведь, получается, сам согласился.

Артём отпускает мои плечи и снова садится на диван. Как и несколько минут назад сжимает руки в замок и опускает голову.

Несколько минут молчит, словно подбирает слова.

А мне сейчас очень важно, чтобы он объяснил мне всё, чтобы сказал, что я ошибаюсь. Чтобы признался: да, он мог остаться, просто не захотел. Тогда я бы могла злиться на него по-настоящему, не разрываясь между обидой и пониманием.

— У Коратова двое детей. У Иванова парализованная мать. У Синицына через три месяца родится второй ребёнок. Как ты думаешь, я мог отказаться? — Артём сверлит меня взглядом.

Теперь он ждёт от меня ответа, но у меня его нет. Вывод после слов о том, что у Коратова дети, у Иванова парализованная мать, а у Синицына беременная жена напрашивается сам собой.

При таких условиях у моего мужчины действительно не было выбора.

У Артёма, в отличие от его сослуживцев никого: нет жены, нет детей, нет стариков, которые зависят от него каждую минуту. Есть только я со статусом сожительницы.

Звучит это, конечно, отвратительно, но у меня нет претензий к нему. Я никогда себя так не ощущала.

Артём относился ко мне, будто я его жена. Причём очень любимая.

— Света, скажи, что ты понимаешь меня! Не молчи! Я не хочу уезжать с тяжёлым сердцем!

Глава 8

— А что я могу тебе сказать, Артём? Я не могу тебя потерять. Ты же для меня… всё! У меня кроме тебя никого нет!

Голос срывается на последних словах. Слёзы, которые я ещё мгновение назад упрямо сдерживала, всё-таки прорываются и бегут по щекам — горячие, безостановочные.

Я даже не пытаюсь их вытереть.

Артём снова рядом и прижимает меня к себе с такой силой, что становится трудно дышать. Будто стоит его рукам ослабнуть хотя бы на миг — и я исчезну.

Мы оба перестаём притворяться, что держим себя в руках. Нам обоим очень плохо.

Я больше не пытаюсь его оттолкнуть. Судорожно цепляюсь за его рубашку, сминаю плотную ткань в кулаках и прячу лицо у него на груди.

От него пахнет привычно — чем-то тёплым, родным, до боли знакомым. И от этого становится ещё хуже.

Потому что я понимаю: совсем скоро мне каждый день придётся жить без этого запаха, без его рук, без его голоса рядом.

Артём медленно гладит меня по волосам, ладонью проводит вдоль спины, словно пытается успокоить. Его пальцы чуть дрожат.

Он целует меня в висок, потом в мокрую щёку, осторожно касается губами уголка моих губ.

Я поднимаю голову и смотрю на него. В его глазах столько боли, что у меня перехватывает дыхание.

Он тоже плачет, но только не так, как я. Он делает это молча, про себя, не открывая эмоций.

— Не уходи, — шепчу я сквозь слёзы.

— Не уйду, — отвечает он глухо и прижимается щекой к моей макушке.

— Я говорю не о сегодня, Артём!

Его руки всё ещё держат меня, но в них появляется какая-то обречённость.

Он медленно отстраняется ровно настолько, чтобы видеть моё лицо, и ладонями бережно стирает слёзы с моих щёк. Но новые тут же появляются на их месте.

— Ох, милая, если бы я мог.

— Ты уедешь, а я опять останусь одна!

На этот раз Артём ничего мне не отвечает. Наверное, потому, что понимает: я права и не преувеличиваю масштаб своего несчастья.

Мы стоим так долго, не замечая времени. Два человека, которым страшно потерять друг друга и которые пытаются удержаться за это объятие, как за последнюю возможность быть рядом друг с другом.

Я чувствую биение его сердца — быстрое, неровное, такое же напряжённое, как моё собственное.

— Малышка, прости меня. Я так виноват перед тобой.

— Нет, ты прав. У тебя не было выбора. Да, конечно, я злюсь, но это от… от собственного бессилия, понимаешь?

— Да.

— Ты не трус. Я никогда не считала тебя трусом. Прости меня за те слова.

— Я не обижаюсь, — чувствую, как Артём улыбается. — Но ты должна понять, что мне тоже больно и у меня есть страхи. Я же не железный, Света.

— А какие у тебя страхи? — я удивлена. Никогда не думала, что мой мужчина может чего-то бояться.

— Я боюсь, что уеду, а ты поймёшь, что не хочешь меня ждать, — начинает перечислять. — Боюсь, что ты устанешь от неизвестности. Боюсь, что твоё отношение ко мне изменится после всего, что говорила тебе моя мать. Боюсь, что не смогу быть рядом, когда тебе понадоблюсь.

— Когда ты уезжаешь? — вспоминаю, что даже не знаю даты его отъезда.

— Мне дали на сборы четыре дня.

— Как мало… А на сколько ты едешь?

— Полгода. Но сама понимаешь, обстоятельства бывают разными.

— То есть ты даже не знаешь, когда вернёшься?

— Света, мне не хочется тебе врать. Я совершенно точно уверен только в одном: я сделаю всё, чтобы вернуться к тебе как можно быстрее. Свет, я кое о чём хотел тебя попросить.

— Говори.

— Я понимаю, что требую слишком многого, но я хотел бы, чтобы эти дни были нашими.

— Как это?

— Очень просто. Без лишних разговоров. Без попыток представить худшее. Без того, чтобы ты каждую минуту плакала, а я делал вид, что мне не больно, — после последних слов он горько усмехается.

Что мне ему сказать… Конечно, я согласна. Но это действительно непросто.

Как мне не думать об его отъезде? Как мне улыбаться, когда я не знаю, что будет дальше. А главное при условии, что я не знаю — вернётся ли он.

Артём чувствуя моё сомнение поднимает мою ладонь к губам и целует костяшки пальцев.

— Давай проживём их так, чтобы тебе было что вспоминать не только со слезами, хорошо?

— Да, — я пытаюсь улыбнуться, но получается только слабый, неровный вдох.

Он прав. Всё, что нас остаётся — прожить эти четыре дня максимально счастливо. А потом… А потом я буду отсчитывать дни в календаре и ждать его.

Я буду зачёркивать каждый день и убеждать себя в том, что день нашей встречи всё ближе.

Артём тоже больше ничего не говорит. Он смотрит на меня несколько недолгих секунд, а потом вдруг подхватывает меня на руки.

— Что ты делаешь? — выдыхаю я, цепляясь пальцами за его плечи.

Артём несёт меня в спальню. Он осторожно опускает меня на матрас и начинает целовать. Сначала в губы, потом в шею, затем переходит на плечи.

Он снимает с меня кофту, и я не сопротивляюсь.

Ещё несколько минут назад я думала, что ненавижу его, но теперь понимаю, что никогда не смогу его ненавидеть. Я всегда буду его любить.

— Я ненавижу эту несправедливость, — всё-таки не могу сдержаться и говорю вслух. — Мы были вместе слишком недолго, чтобы успеть устать друг от друга.

— У нас впереди целая жизнь, — продолжает ласкать меня мой любимый утешая. — Я тебе совершенно точно надоем!

Артём говорит это уверенно, без всякого стеснения, но я не могу с ним согласиться. Почему-то моя интуиция шепчет мне, что он ошибается.

Глава 9

На следующий день Артём приезжает за мной прямо к университету.

Я выхожу к нему после последней пары — уставшая и без всякого настроения.

Да и какое у меня может быть настроение, если все мои думы только об одном: впереди нас ждёт серьёзное испытание разлукой.

— Привет, — пытаюсь улыбнуться, но получается плохо. Артём сразу замечает это.

— Привет. Ты чего такая бледная? — спрашивает он, внимательно вглядываясь мне в лицо.

— Просто устала.

— А всё потому, что наверняка опять ничего не ела?

Я отвожу взгляд, и этого достаточно, чтобы он всё понял.

Артём недовольно качает головой, но не сердится.

— Садись, — говорит он, кивая в сторону машины.

Он открывает для меня пассажирскую дверь, дожидается, пока я устроюсь, и поправляет ремень безопасности.

Его движения привычные, простые, но сегодня в каждом столько заботы, что у меня щиплет в глазах.

Не представляю, как я буду жить без этой заботы. Обо мне никогда и никто так не заботился, как он.

Я быстро отворачиваюсь к окну, чтобы он не заметил слёз.

Несколько минут мы едем молча.

— Зря я тебя послушала, — вырываются слова, и получается довольно грубо.

Артём бросает на меня быстрый взгляд.

— Ты о чём?

Я поворачиваюсь к нему и поджимаю губы.

Во мне копится раздражение — но на него, а на то, что происходит вокруг: на занятия, расписание, бесконечные дела, которые заставляют нас притворяться, словно ничего не меняется.

— О том, что я сегодня пошла учиться, — говорю я. — Не хочу ходить на занятия. Они отнимают наше время!

Вижу, что Артём не согласен со мной.

— Свет, тебе нельзя пропускать. Даже ради меня.

— Можно и нужно! — снова резко отвечаю. — Какая разница, Тём? Лекции, пары, зачёты… Всё это потом можно пересдать, догнать, выучить. А кто мне возместит время с тобой?

Он сильнее сжимает руль. На скулах у него ходят желваки. Недоволен, вижу.

— Не говори так.

Артём сворачивает к торговому центру.

— Куда мы?

— Пойдём, кофе попьём, моя бурчалка. И поговорим.

— О чём?

— Узнаешь.

От предложения выпить кофе я не отказываюсь. От усталости валюсь с ног, и кофе мне совершенно точно не повредит.

Сегодня ночью, как бы я ни старалась уснуть, у меня ничего не получилось.

— Знаешь, я много думал, что будет дальше, — ставит передо мной любимый напиток.

— А что будет дальше? Мне казалось, что у нас всё ясно. Правда, только до вчерашнего дня… — сразу же поправляюсь.

— Да. И именно в тот момент, когда наша жизнь так резко изменилась, я особенно ясно понял, что должен сделать всё, чтобы ты была защищена.

Защищена? От кого? От чего?

— И снова не понимаю.

— Я говорю о тебе. О том, как сделать так, чтобы ты была защищена юридически, — уточняет. — И единственный вариант, который я вижу: нам нужно расписаться. Причём как можно скорее.

Артём поднимает на меня глаза. Вижу, что он говорит это нехотя, и я догадываюсь — почему.

Артём быстро лезет в карман куртки и достаёт коробочку. Открывает её и протягивает мне. В нём простое, но очень красивое кольцо.

— Света, я знаю, ты хотела не такую свадьбу. Не наспех, не между документами и сборами. Хотела платье, гостей, музыку… Чтобы всё было по-настоящему красиво.

Я чувствую, как тяжело даются Артёму эти слова.

К горлу подступают новые слёзы, но всё равно улыбаюсь. Я обещала ему не плакать эти дни, и я не буду.

— Всё так.

— Света, я обещаю, что…

— Я согласна, — говорю почти шёпотом. — Не надо мне ничего обещать. Только вернись. Мне всё равно, где и как мы заключим брак. В красивом зале, в маленьком кабинете, без гостей, без платья… лишь бы быть твоей женой.

Артём встаёт со своего места, заставляет встать меня и крепко обнимает.

В последние часы мы с ним обнимаемся слишком часто. Будто стараемся запомнить каждое ощущение заранее: тепло рук, запах кожи, привычное биение сердца друг друга.

Будто нам нужно насытиться друг другом на месяцы вперёд.

— Дело даже не в браке. Я хочу знать, что закон тебя защитит. Что ты не останешься одна, если… — Он осекается недоговорив.

— Не смей! Даже думать про такое не смей.

— Нужно думать, Света. Хочешь ты того или нет, но мы должны думать.

— Нет. Я не буду об этом думать. Артём, не заставляй меня снова плакать. Ты же сам просил...

— Помню. Прости.

Артём бросает взгляд на часы, быстро оплачивает счёт, и мы отправляемся в ближайший ЗАГС.

У входа сталкиваемся с молодыми — женихом и невестой.

Почти одновременно отводим взгляды. Ни мне, ни Артёму не хочется завидовать чужому счастью. У нас тоже будет своё.

Внутри в здание душно и непривычно светло.

В коридоре сидят ещё несколько пар — наверное, они, как и мы, пришли подавать заявление.

Несмотря на внешнее спокойствие, волнуются все. Это чувствуется по напряжённым движениям, шёпоту и тревожным взглядам, которые то и дело устремляются к двери кабинета.

Мы подходим к сотруднице, сидящей за стеклянным окном, и Артём объясняет нашу ситуацию.

Он достаёт документы, предъявляет военное удостоверение и называет дату своего отъезда. Его голос звучит ровно, но я замечаю, как пальцы сильнее сжимают папку с бумагами.

— И какие у вас пожелания?

— Мы хотели бы зарегистрировать брак как можно быстрее. Женщина забирает из рук Артёма удостоверение, разглядывает сначала его, затем внимательно смотрит на него.

Вероятно, она не доверяет тому, что он сказал.

— Понимаю, — ровно произносит она, возвращая документ. — Но для того чтобы зарегистрировать ваш брак только удостоверения недостаточно.

— А что ещё нужно? — спрашиваю я. Голос предательски дрожит.

Артём поворачивается ко мне и берёт меня за руку. Крепко сжимает её.

— Успокойся, любимая. Всё будет хорошо.

Сотрудница проверяет что-то в компьютере, несколько раз щёлкая мышью.

— Вам можно подать документы, подтверждающие ваш отъезд. Например, справку из воинской части. Или копию контракта. Сможете принести?

— Конечно.

— Отлично. Если завтра принесёте, на следующий день мы вас уже распишем.

— А в этот же день нельзя? — настаивает Артём.

— Запись плотная настолько, что некуда вас записать, — виновато говорит женщина.

Мы снова покидаем здание в тишине. Между нами нет неловкости — просто слова сейчас кажутся лишними.

Стоит выйти на улицу, как меня пробирает холод. Я машинально плотнее запахиваю своё пальто, но оно с

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.